

Social Work Oles Honchar Dnipropetrovsk National University(Dnipro, Ukraine).

Violence and terrorism: the practice of social work and philosophical reflection.

Abstract. The paper highlights issues related to the nature and features of phenomena of violence, domestic violence, terrorism, expired and common in the modern.

Noted that the violence has implications for the three parties: the very aggressor, victims of anemia and society. Emphasis is placed on the fact that violence is always destructive, contributes to the demoralization of the individual, prevents the progressive development of the community. Can be traced relationship between the violence and terrorism.

Emphasizes attention to the direction of social worker at the fight against domestic violence. Opens link between the practical social work to overcome domestic violence and philosophical reflection aimed at the understanding of nature of terrorism in order to prevent and prevention of his appearances.

Analyzed J. Baudrillard's outlooks that directly allow you to come close to the realization of specific features of terrorism, as a social phenomena.

French intellectual perceived and violence, and terrorism not as event, and vice versa, as the lack of events, which takes the form of explosion directed inside. The following the J. Baudrillard, emphasizes attention to these social phenomena as an explosion of emptiness, silence history, indifference, silence.

Keywords: violence, domestic violence, terror, terrorism, act of terrorism, fear.

УДК 165.43

Павленко И. В.,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара
(Днипро, Украина), E-mail: abissum0@gmail.com

**ЛЕКТОН СТОИКОВ КАК ФИЛОСОФСКАЯ
И ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**

Аннотация. Рассматривается понятие стоического лектон в отношении к языку и проблеме формирования смысла в языковых контекстах. Лектон выступает в качестве важнейшей эпистемологической категории и является не только свойством мыслей или высказываний, но также специфическим смысловым объектом, имеющим собственные свойства. Анализируется представление о стоическом лектон как семантической структуре в связи с современными исследованиями в области философии языка.

Ключевые слова: стоицизм, лектон, смысл, значение, контекст, язык, семантика.

Целью предлагаемой статьи является реконструкция логико-семантического содержания стоического лектон, этимологический анализ понятия и описание проблем, возникающих при установлении предметной области данного концепта.

Философия Древней Стои относительно редко становится предметом рассмотрения отечественных философов, включая также и советский период, что отчасти обусловлено отсутствием качественного первоисточника, каковым давно уже принято считать издание И. фон Арнима «Фрагменты ранних стоиков» [19].

В 1998–2010 гг. было осуществлено издание труда И. фон Арнима на русском языке в переводе А. А. Столярова, которое можно рассматривать как основной источник для отечественного читателя. Тем не менее, исследование философии Древней Стои находится у нас в зачаточном состоянии, особенно это касается изучения логической и эпистемологической проблематики стоиков.

Лектон (λεκτόν) относится к наиболее интересным и перспективным проблемам философии стоиков в связи с современными логико-семантическими и лингвистическими штудиями. Среди исследований этого вопроса можно выделить работы Лосева А. Ф. [3; 4; 5], Столяров А. А. [7; 9], Степановой А. С. [8], а из переводной литературы – фундаментальное исследование М. Поленца [6].

Однако эти работы лишь малая часть исследований, посвященных философии ранней Стои. Одним из первых авторов, оставивших свой след в этой области

был Э. Целлер [20], который выступил с анализом стоического *лектон*. Последнее определяется в качестве чего-то, что произносится, выражается словами (uttered) и является посредством этого субстанцией мысли (substance of thought): «...мысль относится к себе как *определенное нечто* (distinct something), отличное от того объекта, который она представляет, от звука, который ее выражает и от акта мышления, который ее производит» [20, с. 92]. Целлер отмечает, что стоики не признают материальности за некоторыми вещами, среди которых выделяются абсурд, пустое пространство, место, время и выражение (expression), которое Целлер и полагает самым *λεκτόν*. [20, с. 132].

Современный этап в изучении *лектон* связан с работами Б. Мейтса [17] и М. Фреде [14; 15], которые произвели реконструкцию логического учения стоиков и указали на оригинальность стоической семантики и ее связь с современными логическими исследованиями. Так, анализируя понятие *лектон*, М. Фреде пишет, что с точки зрения стоиков пропозициональные термы не обладают бытием, но есть только *lekta*, нечто, не имеющее собственного класса и самостоятельного существования. [15, с. 223].

Столяров А. А. отмечает, что за последние десятилетия наметилась тенденция рассматривать стоическую доктрину не просто как систему, но как «разверстку» последовательного приложения «категорий». К различным областям сущего в физике и этике, а к понятиям – в логике. Этот взгляд был доведен до последних пределов М. Форшнером [13], представившим стоическое учение в виде некоей «гиперсистемы», где буквально каждому «выступу» одной теории соответствует «углубление» другой. [7, с. 25]. Этот подход представляется наиболее перспективным, которого мы и станем придерживаться в ходе дальнейшего изложения.

Различные интерпретации стоического *лектон* предлагаются современными авторами. Так J. Annas ставит по сути знак равенства между *лектон* и логической *пропозицией* (proposition or lekton) [10, с. 90]. С. Imbert связывает *лектон* с т.н. *риторической функцией*, которая выражается при произнесении (*lekta*) в контекстах представлений (*phantasta*) [16, с. 187–188].

Терминология Древней Стои не очень активно используется в современных философских текстах, если, конечно, последние не посвящены исследованию самой античной философии. Особенно это касается гносеологической терминологии стоиков. Например, *προλήψις*, *φαντασία*, *συνκατάθεσις*, *κατάληξις* – важнейший смысловой ряд Зенона, описывающий наше познание, из которого часто упоминают лишь фантазию, да и то совсем в ином значении. Слову *лектон* (*λεκτόν*), изобретенному Зеноном, повезло больше. Оно настолько странное, диковинное и неоднозначное, что его просто невозможно оставить без внимания.

Этимология лектон. Несмотря на сложности в интерпретации *лектон*, мы, похоже, хорошо понимаем этимологию данного слова. Она восходит к глаголу *λεγω* (*λέγω*), имеющего две основные группы значений: *λέγω* – собирать, набирать, выбирать; и *λέγω* – говорить, рассказывать; означать, значить, подразумевать; именовать. Ко второй группе значений относятся многочисленные дериваты, имеющие философский и научный характер, например:

- *λέξις* – речь; дериват от *λέγω*;
- *λόγος*, *ὁ* – слово, речь и пр.;
- *λεκτός* – могущий быть сказанным, выразимый; *οὔτε λεκτός οὔτε πιστός* – невыразимый и невообразимый (Аристофан);
- *λεκτά*, *τά* – номинальные вещи, существующие в мысли и слове.

Характерны переводы слова *лектон* на другие языки: нем. и англ. *Expression* – выражение, выразительность; франц. *exprimable* – доступный выражению; то, что может быть выражено. По оценке А. Ф. Лосева именно французский перевод ближе всего к греческому оригиналу. О переводе *лектон* на русский язык будет сказано ниже.

Экспликация проблемы. В структуре знака можно выделить постоянно присутствующую двойственность (дуализм), которая, собственно, и мешает создать полноценную и адекватную ожиданиям общую теорию знака. Сегодня подобные теории имеются только в частных науках, каждая из которых создает свой вид семиотических описаний, исходя из специфики материала с которым имеет дело. Необходимо рассмотреть эту двойственность и указать на источник ее возникновения.

Возможно, указанная дуальность, это наиболее очевидная и старая проблема, с которой сталкивается семиотика на всех этапах своего развития, проблема, истоки которой можно обнаружить еще в античной науке и философии. Здесь можно с уверенностью указать на традицию Академии и на школу стоиков.

В частности Платон обращал внимание на присутствие идеального начала в любой вещи (феномене); тем более это касается знаков, каждый из которых имеет собственную идеальную (ментальную, культурную) историю. По существу, Платон предвосхищает знаменитый треугольник отнесения Огдена – Ричардса, где отчетливо угадывается также и четвертый, собственно платонический, компонент – объективно существующая идея, нематериальная часть знака, которая воплощается как в его материальном теле, так и в понимании и использовании знака его носителем – субъектом. Изначально простая и естественная дуальная схема: *вещь* – *знак* значительно усложняется, включая в себя два новых компонента – *идею* и *мысль*, ментальный образ вещи.

В платонизме вещь обладает существованием лишь потому, что воплощает собой идею; мысль также истинна не сама по себе и не потому что скользит по поверхности вещи, воспринимая ее внешнюю форму или манипулируя с ней, но потому, что прозревает (про-мышляет) идею, благодаря которой вещь имеет свое бытие. Поэтому и знаки, которыми оперирует субъект, лишь постольку связаны с вещью поистине и вообще что-либо значат, поскольку их значение и смысл, указывая на вещь, выражают ее идею.

Стоики разработали собственную модель структуры семиозиса, включающую в себя три компонента. Согласно стоикам: «11. <...> неразрывно связаны три вещи: обозначаемое, обозначающее и реальный предмет (τὸ σημαίνόμενον καὶ τὸ σημαῖνον καὶ τὸ τυγχάνον). Обозначающим, как правило, бывает слово (φωνή), например «Дион». 12. Обозначаемое – та [смысловая] предметность, выявляемая в слове, которую мы воспринимаем как установившуюся в нашем сознании (διάνοια) и которую не воспринимают варвары, хотя они и слышат слово. Наконец, реальный предмет – это внешний объект (τὸ ἐκτὸς ὑποκειμένον), например, сам Дион. Из трех перечисленных элементов два телесны – слово и реальный предмет, а один бестелесен – это обозначаемая смысловая предметность, или «лектон» <...>» [9, с. 82].

Если дополнить эту трехчастную схему (как это сделал Хейман Штейнталь [5, с. 97]: *обозначаемая вещь* – *знак* – *лектон* самой продуктивной мыслью о вещи, субъектом, использующим знаки, то мы получим все ту же платоновскую четырехчастную структуру процесса семиозиса, хотя и в иной интерпретации. Здесь двум телесным компонентам:

1. Звук, слово, знак [ἡ φωνή; τὸ σημεῖον].
2. Вещь, основа, субстрат [τὸ ἐκτὸς ὑποκειμένον; τὸ ὑλάρχον] симметрично противостоят два бестелесных:
3. Мысль, представление, понимание [ἔννοια, ἡ].
4. Лектон [τὸ λεκτόν; τὸ σημαίνόμενον; τὸ πῶμα].

Здесь мысль не просто приобщается к идее, но сама создает и знак и лектон, которые выступают двумя формами смысловой трансформации означаемого. *Лектон стоиков* – достаточно ёмкая новация, термин, обозначающий условный, смысловой объект, обладающий своими особенными характеристиками. Конеч-

но, лектон – условный аналог платоновской идеи, с той огромной разницей, что лектон не только не является первичным по отношению к вещи, но и безразлично к ней, не оказывает воздействия на вещь, но неким образом *высказывает* вещь, *выражает* ее.

На отличие лектона стоиков от платоновских идей указывал А. Ф. Лосев, в той или иной форме это различие рассматривается и в современных исследованиях: «В отличие от прикованного к вещи платоновского имени лектон стоиков, как родственник пустоты, как не-сущее, не испытывает на себе воздействия вещи, в этом смысле он оказывается по ту сторону ее владений, в плоскости безразличного» [1, с. 34]. Таким образом: *лектон меоничен и неуловим*.

Часто используемое определение: лектон – смысловая предметность звучит научно и современно, но является лишь метафорой, также как, например, *топосы мысли, пространство смысла* или *горизонты коммуникации*. Один из модных современных оксюморонов, являющийся формой звукоподражания (с позиции Д. Остина).

Более строгую формулировку стремится дать А. А. Столяров: Лектон есть *констатирующий* или *корреспондирующий* смысл, который указывает на денотат, раскрывает его значение, но не оказывает на него никакого воздействия. [9, с. 83].

В классификации лектон выделяют полный (*αὐτοτελής*) и неполный (*ἑλλειπής*) (Поленц), поскольку лектон свойственен скорее не словам, но предложениям. Так лектон *пишет* является неполным по сравнению с лектоном *Сократ пишет*. Развернутую классификацию лектон дает А.А. Столяров, называя:

Лектон – незаконченный (неполный, ἑλλειπής) – субъект (ὀρθή πτῶσις) и предикат (κατηγορία).

Лектон – законченный (полный, αὐτοτελής)

1. Высказывание (*ἄξιωμα*).

1.1. *Высказывание (ἄξιωμα)* – простое (*ἀπλοῦν*): определенное («Платон любит Диона»), среднее, неопределенное.

1.2. *Высказывание (ἄξιωμα)* – не простое (*οὐχ ἀπλοῦν*): имплицативное, субимплицативное (поскольку – *ἐπεὶ*), конъюнктивное, дизъюнктивное.

2. Вопрос, повеление, клятва, мольба, пожелание, предположение, обращение, мнимое высказывание (Например, «Прекрасен Парфенон!»).

Стоическое представление о лектон ставит перед исследователем ряд вопросов, имеющих непосредственное отношение к современной философии языка и логико-семантической проблематике.

1. *Лектон – прототип всех смысловых объектов?* Например, *вещь в себе* – лектон или нет? Вымышленные персонажи художественной литературы, майнонгианские вещи (предметность), вещи и события прошлого и будущего, сновидческие образы, категории науки и философии – все это имеет отношение к лектон? В свете вышесказанного ответ на эти вопросы должен быть утвердительным. Все возможные (все мыслимые) смысловые объекты или всё, что мы способны наделять смыслом является лектон.

2. *Равно ли лектон значению и смыслу?* У Лосева, «Лектон – это *чистый смысл*, а физический предмет есть та или иная *телесная субстанция*, с которой лектон соотнесено, но само по себе оно вовсе не есть какая-нибудь субстанция, ни телесная, ни духовная. Вещь есть нечто физическое; но и мысли о вещи, находящейся в вещественной душе, тоже есть вещь <...> обозначение вещи при помощи той или иной категории, или отношение категорем вещи, – это есть уже лектон. Всякое приписывание чему-нибудь смысла – это обязательно уже есть приписывание соответствующего лектон» [5, с. 101]. Ответ на данный вопрос также должен быть утвердительным с тем лишь уточнением, что лектон есть не смысл сам по себе, но лишь тот смысл, который может быть выражен. Но и само выражение смысла также не есть лектон и это принципиально важно. Лектон – это не просто

нечто высказанное или выраженное, поскольку высказывание есть нечто физическое.

3. *Описание лектон само есть лектон?* Возможен ли *мета-лектон* или иерархия лектонов, их соподчинение? Какова связь с иерархией мыслительных форм? Возможна ли класификация и систематизация лектонов? Ответ – да. Более того, такая класификация была бы полным описанием всех доступных человеку смыслов.

4. Совпадают ли понятия лектона и *внутренней формы слова* (языка) у гумбольдтианцев и *предметная форма слова* у Г. Шпета. На это сходство обращал внимание Хейман Штейнталь. Но если у современных авторов речь идет о языке и семиотике, то у стоиков их учение о лектон есть начало онтологии, причем, весьма оригинальной: «У стоиков же это учение о лектон, да и вся логика, все языкознание, было только началом весьма импозантного систематического учения о бытии вообще» [5, с. 98]. Ответ – да. Это не означает, что лектон и внутренняя форма слова – это одно и то же. Речь скорее идет о некоем смысловом соответствии, внутреннем сродстве, изоморфизме.

5. *Лектон и референция.* Вопрос о случайной надписи (муравей, случайно сделавший надпись на песке). Есть ли она лектон? Возможно ли лектон, не осуществляющее никакой референции. Или осуществляющее ее без прагматического намерения говорящего (пишущего). Этот вопрос является весьма спорным и ответ на него зависит от методологических установок исследователя. Приверженец Платона скорее всего ответит на него утвердительно, в отличие от скептика или номиналиста.

6. Является ли лектон стоиков – адиафорой (*τά ἀδιάφορα*), то есть этически безразличной вещью? В контексте стоической доктрины ответ должен быть утвердительным, поскольку смысл сам по себе, равно как и его выражение не имеет у стоиков этической интерпретации и связан скорее с логико-семантическим и лингвистическим пониманием. Здесь можно привести высказывание Диогена Лаэртция, наиболее емко выражающее суть вопроса: «Высказывать, произносить – тоже вещи разные: произносятся (*προφέρονται*) звуки, а высказываются (*λεγόνται*) вещи (предметности – *πράγματα*), которые и являются выражаемыми смыслами (*τα λεκτά*)» [2, с. 264].

Таким образом: 1) лектон есть нечто обозначаемое в осмысленной речи; 2) лектон всегда бестелесно; 3) может быть ложным или истинным, но это для него не важно. Например, собака видит вещь, имеет психический образ вещи, издает звук, относящийся к вещи, при этом ее понимают другие собаки, вопрос: имеет ли собака лектон? Мы не знаем в точности, как именно мыслит собака, но если только она способна подразумевать в своем «гав» некий объект, которого уже или еще нет или же объект, которого *никогда* не было (золотая гора или собака с крыльями), то она обладает лектон.

Особо следует отметить социальный характер лектон. Лектон выражается в предложении, которое благодаря ему *понимают*. Я говорю «этот предмет есть кошка» и это понятно в силу наличия лектон. Но если *именно этот* предмет не является кошкой, то первое предложение будет не истинным, но это безразлично для лектон, мы все равно понимаем, о чем идет речь. Другой пример с высказыванием «сейчас день». Оно само по себе не истинно, и не ложно, но может быть и тем и другим. Но независимо от истинности или ложности, это высказывание что-то значит. Так можно говорить о любой нелепости, но если вам понятно, что это нелепость, то вы поняли его смысл (*τὸ βλίτυρι*). Лектон есть такой смысл предмета, который фиксируется вне всякой истинности или ложности.

Итак, лектон не вещь, не мысль и не идея. Возможно, это тот самый неуловимый и вездесущий компонент знака, который ускользает из сетей аналитиков и редукционистов, делает невозможным строгое, исчерпывающее описание и опре-

деление знака как чего-то совершенно объективного. Нечто несуществующее «на самом деле», но принципиальное для понимания процесса означивания – вот что такое лектон. Поэтому в стоической схеме семиозиса самой непроясненной является связь лектона с вещью, между которыми несомненно имеется соответствие и даже определенное сходство, однако последнее может восприниматься как относительно случайное и необязательное (безразличное).

Такое впечатление вовсе не является обманчивым, поскольку лектон относительно автономно от всех прочих компонентов семиозиса и может обладать собственными характеристиками, равно как и собственным бытием. Например, лектон может существовать и после бытия вещи, в ситуациях, когда вещь была разрушена, исчезла и т.п. Так, до сего дня существует лектон имени «Сократ», конечно, отличающийся от пожилого афинянина, жившего в V в до н.э.

С этой позиции мы окружаем себя не столько знаками, сколько именно лектонами, который и составляют условный, идеальный слой нашей культуры и основу гуманитарного знания. Поэтому нам нужна не столько общая теория знака, сколько общая теория лектона. Нетрудно усмотреть сходство между лектоном стоиков и *so-sein* А. Майнонга (1853–1920), ведь можно говорить о лектоне «золотой горы», лектоне кентавра, Пегаса, лектоне Шерлока Холмса или лектоне круглого квадрата.

Пресловутый «пятый элемент», quinta-essentia гуманитарного знания как раз и состоит в условности и даже ничтожности материальной формы знака и особой насыщенности его идеальной формы. В некоторых случаях эти формы меняются местами и тогда мы наблюдаем гипертрофированную материальность, потерявшую свой исходный смысл, свой лектон, например, циклопические памятники давно прошедших эпох.

Теория А. Майнонга пытается связать подобные представления о почти не существующем, но так или иначе важном смысловом объекте с современными психологическими теориями и представлениями.

Лектон как смысл высказываемой предметности находится за пределами утверждения о бытии или небытии. Бытие у стоиков – лишь то, что реально действует и испытывает воздействия. Но таблица умножения не действует на предметы и не испытывает воздействий. Но нельзя сказать, что таблица умножения вовсе не имеет никакого бытия, совсем никак не существует.

Также о лектоне нельзя сказать, что он просто существует или просто не существует. Лектон не физика, ни физиология, ни логика, ни психология, не истина и не ложь, не бытие и не небытие. *Лектон есть смысл обозначаемой предметности в слове* [5, с. 106]; «Стоическое лектон формулируется так, чтобы именно отразить все мельчайшие оттенки языка и речи в виде определенной смысловой структуры» [5, с. 112]. Не только падежи или формы глагола, но и разные контексты являются разными лектонами. Возможно, именно поэтому лектон не только меоничен, но и неисчерпаем.

Последнее замечание касается связи лектона с онтологической проблематикой. Все познаваемое нами (как все словесно обозначенное) есть лектон. Если мы способны обозначить даже несуществующие вещи, то лектон стоит выше бытия или небытия и сам является онтологической структурой. При этом стоики исходили не из понятия, как Платон и Аристотель, следовательно, не из имени, но из предложения, в котором их абстрактное *лектон* получало конкретное выражение. Лектон тем самым имеет реляционный характер. [5, с. 113].

Сама телесность, физичность, созданность, творение – лектон. Лектон всякой телесности и есть принцип познания этой телесности. Но природа творит художественно – художественный первоогонь (πῦρ τεχνικόν) и его бесконечные эманации, составляющие целую иерархию бытия – от абсолютной осмысленности до пустоты и бессмыслицы неодушевленных тел. Космос – совершенное произве-

дение искусства. Лектон объединяет целесообразную красоту и бессмысленную судьбу – создает логически обоснованное тождество. [5, с. 121].

В заключение следует сказать, что исследование стоического лектон не может быть завершено в рамках одной статьи или монографии. За пределами рассмотрения остались многочисленные зарубежные работы, так или иначе касающиеся данной темы и раскрывающие ее с разных сторон и направлений, от логики и теории языка до космологии и этики [см. напр. 12; 18]. Речь идет не только о тщательном изучении первоисточников, в которых фигурирует лектон, но также о современной рефлексии в отношении данного понятия. Исследования в данном направлении могли бы пролить свет на наиболее трудные вопросы современной эпистемологии, семантики и философии языка: проблему референции, природу значения и смысла, проблему семантических полей и пр. Представляется, что изучение стоического лектон в сочетании с современными методами анализа является достаточно перспективной научной задачей.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ:

1. Винюкова А. К. Платоновское «имя» и «лектон»: правильность и безразличие // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, № 1, 2014, С. 32–34.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 2 изд. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.
3. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 951 с.
4. Лосев А. Ф. Учение о словесной предметности (лектон) в языкознании у античных стоиков // Лосев А. Ф. Имя: Сочинения и переводы. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 309–342.
5. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 5. – Ранний эллинизм. – М.: Искусство, 1979. – 915 с.
6. Поленц М. Стоя. История духовного движения. – СПб.: Quadrivium, 2015. – 1040 с.
7. Столяров А. А. Стоя и стоицизм. – М.: АО «Ками Групп», 1995. – 448 с.
8. Степанова А. С. Философия древней Стои. – СПб.: Изд-во КН, 1995. – 272 с.
9. Фрагменты ранних стоиков. Т.2. – Хрисипп из Сол. Ч.1. – Логические и физические фрагменты / Пер. А.А. Столярова. – М.: ГЛК Ю.А. Шичалина, 1999. – 280 с.
10. Annas J. Truth and Knowledge // Doubt and Dogmatism. Studies in Hellenistic Epistemology. Ed. by M. Schofield, M. Burnyeat, J. Barnes. – Oxford, Clarendon Press, 1980, pp. 84–104.
11. Atherton C. The Stoics on Ambiguity. – Cambridge, University Press, 1993. – 563 p.
12. Edelstein L. The Meaning of Stoicism. – Cambridge, Mas.; Harvard University Press; London, 1966. – 108 p.
13. Forschner M. Die Stoische Ethik. Uber den Zusammenhang von Natur, – Sprach – und Moralphilosophie im altstoischen System. – Stuttgart, 1981. – 200 s.
14. Frede M. Die stoische Logik. – Göttingen, 1974. – 185 p.
15. Frede M. The Original Notion of Cause // Doubt and Dogmatism. Studies in Hellenistic Epistemology. Ed. by M. Schofield, M. Burnyeat, J. Barnes. – Oxford, Clarendon Press, 1980, pp. 217–249.
16. Imbert C. Stoic Logic and Alexandrian Poetics // Doubt and Dogmatism. Studies in Hellenistic Epistemology. Ed. by M. Schofield, M. Burnyeat, J. Barnes. – Oxford, Clarendon Press, 1980, pp. 182–216.
17. Mates B. Stoic Logic. – Berkeley; Los Angeles, 2 ed. 1961. – 148 p.
18. Sharples R.W. Stoics, Epicureans and Sceptics. An Introduction to Hellenistic Philosophy. – London; New York, Routledge, 1996. – 154 p.
19. Stoicorum veterum fragmenta. Col. I. ab Arnim. Vol. I-III. Lipsiae. 1903-1923. Vol. IV. Indices, conser. M. Adler. – Lipsiae, Leiden, 1964.
20. Zeller E. Stoics, Epicureans and Sceptics. – London. Longmans, Green & Co. 1880. – 585 p.

REFERENCES:

1. Vinyukova A. K. Platonovskoe «imya» i «lekton»: pravil'nost' i bezrazlichie [Platonov, «name» and «lekton»: the right and indifference] // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo)

federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, № 1, 2014, S. 32–34.

2. Diogen Laertskiy. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov. 2 izd. [About the life, teachings and sayings of famous philosophers. 2-e Izd]. – M.: Mysl', 1986. – 571 s.

3. Losev A. F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii [Essays on ancient symbolism and mythology.]. – M.: Mysl', 1993. – 951 s.

4. Losev A. F. Uchenie o slovesnoy predmetnosti (lektion) v yazykoznanii u antichnykh stoikov [The Doctrine of verbal objectivity (lektion) in linguistics from the ancient Stoics] // Losev A. F. Imya: Sochineniya i perevody. – SPb.: Aleteyya, 1997. – S. 309–342.

5. Losev A. F. Istoriya antichnoy estetiki. T. 5. – Ranniy ellinizm [History of antique aesthetics. Vol. 5. Early Hellenism]. – M.: Iskusstvo, 1979. – 915 s.

6. Polents M. Stoya. Istoriya dukhovnogo dvizheniya [Standing. The history of the spiritual movement]. – SPb.: Quadrivium, 2015. – 1040 s.

7. Stolyarov A. A. Stoya i stoitsizm [Standing and stoicism]. – M.: AO «Kami Grup», 1995. – 448 s.

8. Stepanova A. S. Filosofiya drevney Stoi [The Philosophy of the ancient Stoa]. – SPb.: Izd-vo KN, 1995. – 272 s.

9. Fragmenty rannikh stoikov. T.2. – Khrysipp iz Sol. Ch.1. – Logicheskie i fizicheskie fragmenty [Fragments of the early Stoics. Vol. 2. – Chrysippus of Saul. Part 1. – Logical and physical fragments] / Per. A.A. Stolyarova. – M.: GLK Yu. A. Shichalina, 1999. – 280 s.

10. Annas J. Truth and Knowledge // Doubt and Dogmatism. Studies in Hellenistic Epistemology. Ed. by M. Schofield, M. Burnyeat, J. Barnes. – Oxford, Clarendon Press, 1980, pp. 84–104.

11. Atherton C. The Stoics on Ambiguity. – Cambridge, University Press, 1993. – 563 p.

12. Edelstein L. The Meaning of Stoicism. – Cambridge, Mas.; Harvard University Press; London, 1966. – 108 p.

13. Forschner M. Die Stoische Ethik. Uber den Zusammenhang von Natur, – Sprach – und Moralphilosophie im altstoischen System. – Stuttgart, 1981. – 200 s.

14. Frede M. Die stoische Logik. – Göttingen, 1974. – 185 p.

15. Frede M. The Original Notion of Cause // Doubt and Dogmatism. Studies in Hellenistic Epistemology. Ed. by M. Schofield, M. Burnyeat, J. Barnes. – Oxford, Clarendon Press, 1980, pp. 217–249.

16. Imbert C. Stoic Logic and Alexandrian Poetics // Doubt and Dogmatism. Studies in Hellenistic Epistemology. Ed. by M. Schofield, M. Burnyeat, J. Barnes. – Oxford, Clarendon Press, 1980, pp. 182–216.

17. Mates B. Stoic Logic. – Berkeley; Los Angeles, 2 ed. 1961. – 148 p.

18. Sharples R.W. Stoics, Epicureans and Sceptics. An Introduction to Hellenistic Philosophy. – London; New York, Routledge, 1996. – 154 p.

19. Stoicorum veterum fragmenta. Col. I. ab Arnim. Vol. I-III. Lipsiae. 1903-1923. Vol. IV. Indices, conser. M. Adler. – Lipsiae, Leiden, 1964.

20. Zeller E. Stoics, Epicureans and Sceptics. – London. Longmans, Green & Co. 1880. – 585 p.

Павленко І. В., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпро, Україна), E-mail: abissum0@gmail.com

Лектон стоїків як філософська і логіко-семантична проблема.

Анотація. Розглядається поняття стоїчного лектон по відношенню до мови і до проблеми формування смислу в мовних контекстах. Лектон виступає у якості найважливішої епістемологічної категорії і є не тільки властивістю думок і пропозицій, але також специфічним смисловим об'єктом, який має власні характеристики. Аналізується уявлення про стоїчний лектон як про семантичну структуру у зв'язку із сучасними дослідженнями у царині філософії мови.

Ключові слова: стоїцизм, лектон, смисл, значення, контекст, мова, семантика.

Pavlenko I. V., PhD in philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophy, Oles Gonchar Dnipro national University (Dnipro, Ukraine), E-mail: abissum0@gmail.com

Lekton stoiks as a philosophical and logic-semantic problem.

Abstract. *The concept of stoic lekton in relation to language and the problem of the formation of meaning in linguistic contexts is considered. Lekton acts as the most important epistemological category and is not only a property of thoughts or utterances, but also a specific semantic object that has its own properties. The concept of stoic lekton as a semantic structure in connection with modern research in the field of language philosophy is analyzed.*

The purpose of the proposed article is to reconstruct the logical and semantic content of stoic lekton, the etymological analysis of the concept and a description of the problems that arise when establishing the subject area of this concept.

Explication of the problem. In the structure of the sign, it is possible to single out the constantly present duality (dualism), which, in fact, prevents the creation of a complete and adequate to the expectations of the general theory of the sign. Today, such theories are available only in the private sciences, each of which creates its own kind of semiotic descriptions, based on the specifics of the material with which it deals. It is necessary to consider this duality and point out the source of its origin.

Perhaps, this duality is the most obvious and old problem that semiotics faces at all stages of its development, a problem whose origins can be found even in ancient science and philosophy. Here we can confidently point out the tradition of the Academy and the Stoic school.

In the Stoics, thought is not only attached to the idea, but it creates both a sign and a lekton, which act as two forms of the meaning transformation of the signified. Lekton Stoics – quite a capacious innovation, a term denoting a conditional, a semantic object that has its own special characteristics. Of course, lekton is a conditional analogue of the Platonic idea, with the huge difference that lekton is not only not primary with respect to a thing, but it is indifferent to it, it has no effect on a thing, but expresses a certain thing, expresses it. All that we know, all that is designated is a lekton. If we are able to designate even non-existent things, then the lekton stands above being or non-existence and is itself an ontological structure.

Studies in this direction could shed light on the most difficult questions of modern epistemology, semantics and the philosophy of language: the problem of reference, the nature of meaning and meaning, the problem of semantic fields, etc. It seems that the study of stoic lekton in combination with modern methods of analysis is a fairly promising scientific task.

Keywords: *stoicism, lekton, sense, meaning, context, language, semantics.*

УДК 261.7

Подорожній Ю. А.,
пошукач кафедри культурології,
НПУ імені М. П. Драгоманова,
(Київ, Україна), E-mail: zxc@gmail.com

ЗАСТОСУВАННЯ ГЕРМЕНЕВТИКИ В УКРАЇНСЬКІЙ ПРОТЕСТАНТСЬКІЙ ПОЛІТИЧНІЙ ТЕОЛОГІЇ

Анотація. *На основі аналізу текстів ряду мислителів доведено, що українська протестантська політична теологія спирається на ключові ідеї сучасного біблійного богослов'я. Згідно із цією теологією Христос критикує політику панування та бунту, пропонуючи соціальну політику моральної діяльності по оздоровленню суспільства шляхом оновлення солідарності, справедливості, любові. Замість підтримки влади чи опозиції, церква має теоретично і практично довести можливість соціального життя згідно із вищими цінностями. Суспільство потребує трансцендентного ідеалу, з висоти якого можливим є критичний аналіз наявного соціально-політичного устрою. У своїй практиці церква повинна являти нову соціальну дійсність, яка виступає як «справжня» по відношенню до «ілюзорної» дійсності соціуму. Політична теологія є реалізацією пророчою функції церкви, оскільки показує, якою має бути соціум в есхатологічній перспективі, щоб відповідати гідності людини та задуму Бога про людство.*

Ключові слова: *політична теологія, сучасна теологія, протестантизм, соціальне вчення церкви, солідарність, справедливість.*

Українська політична теологія є самостійною частиною богословського дискурсу, сама методологія якої є радикально відмінною від доктринального способу